

Анна Барыкова

Стихотворения

Анна Барыкова
Стихотворения

«Public Domain»

1897

Барыкова А. П.

Стихотворения / А. П. Барыкова — «Public Domain», 1897

«Портреты муз своих писали все поэты. Они являлись им: по-гречески
раздеты, С восторженным огнем в сияющих очах, Воздушны, хороши, с
цевницами, в венках... Моя не такова... Старушка, вся седая, В чепце, с
чулком в руках, прищурясь и моргая, Частенько по ночам является ко мне...»

© Барыкова А. П., 1897

© Public Domain, 1897

Содержание

Моя муза	5
Крылья	6
В альбом счастливице	7
Моя болезнь	8
В дурную погоду	9
Незаконный	11
Сумасшедшая	12
Любимые куклы	14
Оправданный	16
Два мальчика	17
Перелетные птицы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Павловна Барыкова

Стихотворения

Моя муза

Портреты муз своих писали все поэты.
Они являлись им: по-гречески раздеты,
С восторженным огнем в сияющих очах,
Воздушны, хороши, с цевницами, в венках...
Моя не такова... Старушка, вся седая,
В чепце, с чулком в руках, прищурясь и моргая,
Частенько по ночам является ко мне,
Как будто наяву, а может, и во сне,
Как нянька, и меня – свое дитя больное —
Баюкает она то песенкой родною,
То сказки говорит, то ряд живых картин
Показывает мне; немало и былин
О старине поет, о тех, кому могила
Холодной землей давно уста закрыла,
И с небылицей быль плетет она шутя.
И, выпучив глаза, как малое дитя,
Я слушаю ее... как просто и наглядно
Звучит ее рассказ, как музыкально складно!..
А сколько теплых слов, заветных чувств родных
Мне слышится в речах разумных, хоть простых!
Мне кажется, что всё в ее рассказах ясно...
Что песни наизусть все знаю я прекрасно...
Что ряд живых картин, видений пестрый рой
В душе моей живут со всей их красотой,
Как в зеркале... Но вот прощается старуха:
«Усни, дружок, пора! – тихонько шепчет в ухо. —
Да не ленись смотри и завтра запиши,
Что рассказала я тебе в ночной тиши».
Ну, вот я и пишу... Но всё выходит бледно, —
И песенки звучат надтреснуто и бедно...

<1878>

Крылья

Мне снился сон и страшный и тревожный:
Что будто бы умею я летать,
Когда хочу... (Во сне порою можно
Ужасную нелепость увидеть...)
По грязной улице в ночную пору
Иду во сне по лужам и впотьмах.
Мне тяжело, дорога вьется в гору,
А я тащусь в промокших сапогах.
И слышу вдруг какой-то шепот сладкий:
«Ведь крылья есть!.. Зачем же не летишь,
А как червяк ползешь по луже гадкой —
И падаешь, и ощупью скользишь?..»
Тут сила новая во мне проснулась,
И смелою и легкою ногой
От грязи, от земли я оттолкнулась
И в воздухе лечу... Лечу стрелой...
Несет меня неведомая сила,
Мне дышится так вольно и легко...
В густой туман закутавшись уныло,
Внизу земля осталась далеко...
А наверху волшебной красотой
Сияет ночь в порфире голубой,
И полно всё чудесной тишиною
И вечною, холодной чистотой.
Земля и жизнь, волнения и страсти,
Страдания людей оттуда так смешны,
Что глазки звезд без всякого участия
Глядят на них из синей глубины...
Но мне летать там скоро надоело,
И с высоты спустилась я опять,
Чтоб вновь начать свое земное дело:
Скользить в грязи – и падать, и страдать!..

<1878>

В альбом счастливице

«Взгляните на птицы небесны?»

и т. д.

С птичьей головкой на свет уродилась,
Пела, порхала, сыскала самца,
Птичьей любовью в супруга влюбилась:
Счастлива ты, милый друг, без конца...
В гнездышке скрывшись от бурь и ненастья,
С гордостью глупых выводил птенцов,
В теплом навозе семейного счастья
Ищешь с супругом любви червячков...
Зависть берет, как живешь ты привольно
Птичий свой век – без борьбы, без страстей,
Дум беспокойных, сомнений невольных,
Глупых стремлений... и горя людей...

<1878>

Моя болезнь *(Разговор с доктором)*

Заморский это сплин иль русская хандра?
То давит и гнетет, то в голову больную
Стучит как молотком. Всю ночь я до утра
Не сплю, мечусь в жару, и брежу, и тоскую.
От неотвязных снов и днем покою нет.
Сжимают сердце мне неясные тревоги.
Мне страшен ночи мрак, противен солнца свет,
Противна жизнь сама: я с ней свожу итоги.
К чему мне дали ум? Зачем не медный лоб?
К чему мне дан талант, коль не достало роли?
К чему дана мне жизнь, когда в итоге гроб?
К чему лечить больных, коль не поможешь боли?
Куда идти теперь?.. Каким служить богам,
Когда надежды нет и вера уж погасла?..
А доктор мне в ответ: «Послушайте, мадам,
Примите ложечку... касторового масла!..»

<1878>

В дурную погоду

Посвящено А. П. Ф<илософо>вой

Холодно, сыро, туман всё растёт,
Сверху какая-то слякоть
В лица продрогших прохожих плюет...
Взглянешь – и хочется плакать.
Вон на углу освещенный кабаk, —
Пьяная голь веселится.
Там целовальник, заплывший толстяк,
Ядом торгует... Толпится
В двери народ, и шарманщик седой
Воет мотив безобразный
И «завсегдателей» тешит порой
Он прибауткою грязной.
Девочка бледная в луже скользит,
Пляшет, голодная, польку.
Мокрое платье в лохмотьях висит,
Видно, не греет нисколько.
По тротуару то взад, то вперед
Падшие женщины бродят.
Жалкие!.. Плохо торговля идет:
Что за любовь в такой холод?
Мимо летят на лихих рысаках
В мягких, как люлька, каретах,
В шубках собольих, в шелку, в кружевах
Барыни высшего света.
Едут они, вероятно, на бал,
Бал «Au profit de nos pauvres»...¹
Их ожидает сияющий зал,
Танцы, веселия говор,
Музыка, блеск, ароматы цветов,
Тонкое лести куренье.
Модное шарканье модных шутов,
Полное чувств опьяненье...
Всё это, всё, господа, в пользу вас,
В пользу голодных и бедных:
Вам после балу отсыплют как раз
Горсти две-три денег медных...
Холодно, сыро, туман все растёт,
Сверху какая-то слякоть
В лица продрогших прохожих плюет...
Взглянешь – и хочется плакать.

¹ «В пользу наших бедных» (франц.). – *Ред.*

<1878>

Незаконный

Ночь... В углу сырого, темного подвала
Крик раздался страшный... Что-то запищало.
На нужду, на горе свыше осужденный,
Родился ребенок, мальчик незаконный.
Барин, ради шутки, баловства пустого,
С толку сбил и кинул (это уж не ново)
Глупую девчонку, швейку молодую,
С личиком румяным, славную такую.
Старая хозяйка грязного подвала,
Где бедняга швейка угол нанимала,
Видит: дело плохо, девка помирает;
Бегаёт, хлопочет, чем помочь не знает.
Смерть в лицо худое холодом дохнула,
И лежит бедняга, словно как уснула...
Грудь не шелохнется, глаз раскрыт широко, —
В нем, с немым укором, взгляд застыл глубокой...
Вот орет мальчишка, звонко, что есть духу.
«Вишь! живой родился! – молвила старуха. —
Мало, что ли, было без тебя голодных?»
И в приют казенный всех детей безродных
Тащит, завернувши тряпкою посконной.
«Ведь отца-то нету... Ты ведь... незаконный».
Как? Отца-то нету?.. Вон он, – у камина,
В бархатной визитке дремлет, грея спину.
Выспался отлично, долго брился, мылся,
С а_нглийским пробором битый час возился,
Спрыснул духами и на бал поскачет.
Что ж? Ведь он не слышит, как сынишка плачет.
Что ему за дело!.. Бедной швейки повесть
Не расскажет франту в этот вечер совесть...
И спокоен, весел этот шут салонный...
Впрочем, что ж за важность?.. Сын был незаконный.

<1878>

Сумасшедшая

Посвящено памяти Е. О. М...ской.

Носится слух: генеральша помешана
С горя. Какого?.. Она ль не утешена
Жизнью?.. Ей счастье во всем улыбалось,
С детства судьба угодить ей старалась:
Выросла в холе; воспитана барственно;
Замужем тоже живет она царственно:
Муж – генерал, орденами сияющий,
Честно безгрешный доход получающий.
В доме казенном квартира прекрасная,
Комнат пятнадцать... все теплые, ясные.
Умные дети, прилежны к учению,
Греческий знают, латынь... восхищение!..
А генеральшины слезы горючие
Льются о том, что в морозы трескучие
Бедным казенного нет отопления
(Ясное дело – ума помрачение);
Что ребятишек без средств пропитания
Больше, чем деток, которым все знания
В голову вложат за денежки звонкие...
Льются о том, что в прекрасные, тонкие
Сукна, полотна не всяк одевается;
Что бедняки бесприютные маются
В долгую зиму, крутую, холодную,
В грязных подвалах больные, голодные...
Плачет она, коль на скатерть голландскую
Льется рекой дорогое шампанское...
Плачет о тех, кто лишь хлебом питается,
В праздник дешевкою пьян напивается...
Всё она плачет... Спасти человечество
Хочет... Трудиться на пользу отечества...
Хочет одеть она голь непокрытую,
Высушить слезы, народом пролитые,
Вылечить раны народа прошедшие...
Все говорят, что она... сумасшедшая...
«Странен и дик этот пункт помешательства,
Вечное в горе чужое вмешательство,
Глупые слезы, в любви изливания
К нищим и глупое вечно желание
Всем помогать, – так супруг в огорчении
Доктору плакался. – Нет ли спасения?»
Выслушав, доктор промолвил внушительно*
«Это мания... мания решительно!»
Стукал потом он больную внимательно.

«Н-да... Помешалась!.. Совсем... Окончательно!»
И диагност заключил консультацию,
Крупную сунув в карман ассигнацию.
Сколько проказ (это дело прошедшее)
После творила моя сумасшедшая...
Едет, бывало, тайком, сердобольная,
С светлой улыбкой, судьбою довольная,
Едет на «ваньке» в погоду ужасную,
Ночью, в подвал, где семейство несчастное
Ждет ее... (Кстати, еще не обедало,
А генеральша об этом проведала.)
То вдруг швее за работу дешевую
Щедрой рукой посыпает целковые,
То наберет ребятишек плюгавеньких,
Моет да чешет оборванцев маленьких...
Раз (генерал чуть не нажил «кондратия»)..
Раз в кабаке она пьяную братию
Увещевала не пить... И моралию
Тронуты были, – ревели каналии!..
Просьбы писала... К министрам в передние
Шлялась, салопница будто последняя...
Чтоб принести бедняку утешение,
Кланялась, плакала, все унижения,
Злые насмешки сносила, презрение;
Все удивлялись ее поведению...
Было чему... Но всего удивительней
Стали припадки болезни мучительной
Перед кончиной... Устала, сердечная,
В деле умаялась, память ей вечная!
Громко рыдая, рвалась она бешено:
«Мало нас! Мало на свете помешанных!
Всех бы спасли!» – и открыла объятия,
Словно хотела всю нищую братию
Разом обнять... При последнем дыхании
Слезы лились за чужие страдания...
А хоронить ее чинно пришедшие
Думали: это была сумасшедшая!

<1878>

Любимые куклы

Двери отворили, рады ребятишки...
Елка вся огнями залита до вышки;
Елка – чудо-диво из волшебной сказки.
У счастливых малых разбежались глазки;
Прыгают, смеются, ушки на макушке,
Мигом расхватили новые игрушки.
Мальчик на лошадке молодцом гарцует
В кивере уланском... Девочка целует
Куклу из Парижа, очень дорогую,
В завитом шиньоне, модницу большую,
С синими глазами, шлейфом и лорнеткой
(Ну, точь в точь, без лести, с Невского лоретка).
Обнимая куклу ручкой белоснежной,
Девочка ей шепчет в поцелуе нежном:
«Лучше этой куклы в свете нет, конечно,
Ты моей любимой будешь вечно, вечно!...»
От больших, должно быть, девочка слыхала
Это слово «вечно» – и его сказала
Кукле-парижанке важно так и мило.
На ребенка с куклой я гляжу уныло:
Жалко мне чего-то стало вдруг и больно...
О судьбе обеих думалось невольно.
Девочка и кукла! Ах, как вы похожи!
В жизни ожидает вас одно и то же.
Куколка-франтиха, предстоит вам горе,
С красотой своею вы проститесь вскоре:
Шелковое платье, сшитое в Париже,
И шиньон изящный, модный – светло-рыжий,
Мигом всё растреплет милая вострушка
(Страшно и опасно в свете жить игрушкам)...
На чердак вас стащат с головой пробитой, —
Кукла-парижанка будет позабыта...
Девочка-шалунья в золотых кудряшках!
Лет через десяток и тебя, бедняжка,
Кто-нибудь обнимет, говоря, конечно,
Что любить намерен пламенно и вечно...
Чьей-нибудь игрушкой будешь ты, наверно, —
Только ненадолго... вот что очень скверно.
Молодость, надежды – будет всё разбито...
Старая игрушка будет позабыта...
Елка догорела. Мальчик над лошадкой
Преклонил головку и уж дремлет сладко,
И с улыбкой счастья пробежала мимо
В детскую малютка с куклою любимой.
Да с чего же я-то хнычу понапрасну?

Может быть, обеих встретит жизнь прекрасно!
Ведь не всех же кукол дети разбивают...
А счастливых женщин – разве не бывает?..

<1878>

Оправданный

Посвящено Д. А. Ровинскому

И судят и рядят. Пред ними худой,
Больной горемыка-парнишка
Весь бледный стоит и поник головой.
Конечно, не вор, а воришка.
И речи юриста карающий звук
Беднягу громит что есть духу...
И сетка улик сплетена... И паук
Поймает неловкую муху.
Они говорят, говорят, говорят —
Так сильно, так гладко и важно.
В ответ им зевают, кряхтят и сопят
Двенадцать усталых присяжных.
Всё стихло. Они принесли приговор
И громко прочли: «Не виновен».
Вот усики злобно крутит прокурор
(Не может он быть хладнокровен)...
А что же преступник?.. Небось им поклон
Отвесил и в пояс и в ноги...
Но нет... Он прощением словно смущен.
Он плачет... О чем? – об остроге.
Ну да... об остроге. Ведь теплый приют
И хлеб у него отнимают —
Простили его и свободу дают...
Свободным его величают.
Свобода?.. ему?.. это – холод, нужда,
Бесхлебье и нищенство снова...
Насмешкою скверной звучит, господа,
Бедняге то громкое слово.
Слеза за слезой накупала в глазах
Воришки. «Зачем оправдали? —
Вертелся вопрос на дрожащих губах. —
Куда мне идти?» Все молчали,
Но вдруг волосами проворно встряхнул
Оправданный; вмиг ободрился,
Лукаво и смело на судей взглянул
И низко им всем поклонился.
Нашел он: «В кабак я отселе пойду, —
А там уж известна дорога...
Мне добрые люди укажут... найду...
Прямую – опять до острога!»

<1878>

Два мальчика

Посвящено Е. Ф. Юнге

На море тихо, на солнышке знойно,
Берег как будто бы дремлет спокойно;
Не шелохнутся на дереве ветки;
Лишь между камней, как малые детки,
Мелкие резвые волны играют,
Словно друг друга шутя догоняют.
К морю купаться бежит цыганенок,
Смуглый, красивый, здоровый ребенок;
Так и горят воровские глазенки,
Смуглые блещут на солнце ручонки,
Кинулся – поплыл... Движения смелы,
Точно из бронзы всё отлито тело.
Славный мальчишка, хоть нищий, да вольный...
С берега смотрит с усмешкой довольной
Мать молодая в лохмотьях картинных,
Глазом сверкая под массою длинных
Взбитых волос, незнакомых с гребенкой...
С гордостью смотрит она на ребенка,
С гордостью шепчет: «Хорош мой галчонок!.,
Я родила тебя, мой цыганенок!..»
В мягкой коляске заморской работы
Возят вдоль берега жалкое что-то,
Бледное, вялое... В тонких пеленках,
В кружеве, в лентах – подобье ребенка.
Личико бледное, всё восковое,
Глазки усталые, тельце сквозное.
Видно, что смерть уж его приласкала —
Песенку спела ему – закачала.
Он под вуалями спит как в тумане,
Рядом плывет в парчевом сарафане
Мамка-красавица с грудью продажной
Белой гусынею, плавно и важно.
Барыня знатная, мать молодая,
Их провожает, глубоко вздыхая.
Смотрит в колясочку взглядом печальным,
Смотрит на море... По волнам зеркальным
Смелый мальчишка с веселой улыбкой
Плавает быстро, как резвая рыбка.
Барыня знатная завистью тайной
Вся загорелась при встрече случайной.
Думает: «Боже мой, боже великий!
Вот ведь живет же зверек этот дикий...
Счастье дал ты цыганке косматой.

Нищая, нищая, как ты богата!»
Жаль мне вас, барыня! Знаю, вам больно,
Но ведь у вас утешений довольно...
Всё у вас есть; всё, что счастьем зовется;
Нищей цыганке того не дается...
Даны зато ей здоровые дети, —
Изредка... есть справедливость на свете.

<1878>

Перелетные птицы

Из Риппена

Вот грязный задний двор, совсем обыкновенный;
Конюшня, хлев свиной, коровник и сарай,
А в глубине овин под шляпой неизменной
Соломенной своей, – тут для животных рай.

Тут вечно ест и пьет бездушная порода;
На солнышке блестит навоз, как золотой;
И дремлют сонные канав и лужиц воды,
Омывшие весь двор вонючею рекой.

Вдали от мокроты и жирной кучи черной,
Там, где навоз просох и так овсом богат,
Хозяйка-курица разбрасывает зерна,
Гордясь семьей тупых, прожорливых цыплят.

Отец-петух сидит повыше на телеге,
Доволен, жирен, сыт, – свернулся он клубком;
Он спит блаженным сном, он утопает в неге
И сонные глаза завесил гребешком.

Вон плавают в пруду мечтательные утки,
На тину устремив сентиментальный взгляд,
И с селезнем своим раз по двенадцать в сутки
О радостях любви законной говорят.

Рубином, бирюзой на солнце отливая,
На крыше высоко, под золотом лучей,
Нарядная сидит и радужная стая —
Семья породистых, спесивых голубей.

Как войско стройное в своих мундирах белых,
Пасется в стороне красивый полк гусей;
А дальше – черный ряд индюшек осовелых,
Надутых важностью и глупостью своей;

Здесь – царство, гордое своею грязью, салом,
Счастливым скотский быт разьевшихся мещан;
В помойной яме жизнь, с навозным идеалом;
Здесь щедрою рукой удел блаженства дан!

Да! счастлив ты, индюк! И ты, мамаша-утка!
Утятам скажешь ты, наверно, в смертный час:
«Живите так, как я... Не портите желудка...

Я – исполняла долг... Я – расплодила вас!»

Ты – исполняла долг?.. Что значит «долг» – для утки?
Не то ли, что она весь век в грязи жила
Да, выйдя на траву, топтала незабудки
И крылья мотылькам со злобою рвала?

Не то ль, что никогда порыва вдохновенья
Не грезилось ей в тупом, тяжелом сне,
Что не было у ней неясного стремленья
На воле полетать при звездах, при луне?

Что под пером у ней ни разу лихорадка
Не растопила жир, не разбудила кровь,
Не родила мечты уйти из лужи гадкой
Туда – где свет, и жизнь, и чистая любовь...

Да! счастливы они!.. Не трогает нимало
Их ни один живой, мучительный вопрос,
И в голову гусей отнюдь не забредало
Желание – иметь другого цвета нос...

Течет в их жилах кровь так плавно, тихо, мерно,
И где ж волненьям быть, когда в них сердца нет?
Лежит у них в груди машинка с боем верным,
Чтоб знать, который час и скоро ли обед...

Да! счастливы они! Живет патриархально,
Спокойно, весело и сыто пошлый род...
Он у помойных ям блаженствует нахально,
По маковку в грязи, набив навозом рот.

Да! счастлив задний двор!.. Но вот над ним взвилася
Большая стая птиц, как точка в небесах...
Приблизилась... Растет, плывет – и пронеслася,
Нагнав на птичник весь непобедимый страх!

Вспорхнули голубки с своей высокой крыши, —
Испуганы, они валятся кувырком;
Увидя, что полет тех птиц гораздо выше,
Уселись в пыли с цыплятами рядком.

Вот куры от земли приподняли головки;
Петух, со сна, вскочил и, с гребнем набоку,
Застукал шпорами, как офицерик ловкий,
Воинственно крича свое «кукуреку!»

Что с вами, господа?.. Да будьте же спокойны!
Чего орешь, петух?.. Не докричишь до них!..

Молчи... Они летят на берег дальний, знойный,
Не соблазнит их вид навозных куч твоих.

Смотрите! В синеве прозрачной утопая,
Далеко от земли, от рабства и цепей,
Летят они стрелой, ни гор не замечая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.